

СВИДЕТЕЛЬ
ЭПОХИ

АЛЕКСЕЙ ЦЫВАРЕВ

НА ОСТАНКИНСКОЙ
ИГЛЕ

С ЧЕГО
НАЧИНАЛОСЬ НТВ

МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ц93

Цыварев, Алексей Демьянович.

Ц93 На останкинской игле. С чего начиналось НТВ / Алексей Цыварев. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 512 с. — (Свидетель эпохи).

ISBN 978-5-699-83506-5

Алексей Цыварев — один из создателей НТВ, совершившего настоящую революцию в отечественном телевидении. Он прошел все ступени карьерной лестницы — от помощника администратора до главного продюсера. Пережил нескольких генеральных секретарей, президентов, министров и пару дюжин руководителей рангом пониже, не отходя от режиссерского пульта. О том, как делается телевидение и что происходит по ту сторону экрана, он знает все и даже больше.

История «заэкранья» Алексея Цыварева — это и профессиональные байки, и комедия положений, и работа на износ, и приключение с риском для жизни, и еще многое-многое другое. В конечном счете — это история страны, увиденная через видоискатель камеры, собранная на монтажном столе из разрозненных кусков, воссозданная заново режиссером в новом ракурсе. История о том, как программа «Время» породила то, что ее фактически убило, — НТВ.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83506-5

© Цыварев А.Д., 2015
© Издание, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

Моя задача в том, чтобы убить время,
его — в том, чтобы убить меня.
Двое убийц всегда поладят.
Эмиль Чоран

1. Гибель богов

Я родился в те доисторические времена, когда телевизор походил скорее на модель лазерной пушки, нежели на пресловутый ящик Пандоры, который ныне поносят вздорные интеллектуалы, считая его источником всех мыслимых бед.

В том далеком прошлом у каждого владельца телевизора была своя антенна на крыше дома и птицы могли выбирать насест, исходя из личных дизайнерских предпочтений. Экран телевизора укрывали салфеткой из боязни лишний раз прикоснуться уборочной тряпкой к его тревожной серой поверхности. Экран угрожающе потрескивал, обещая неприятности, связанные с лучевой болезнью. Я еще застал предания стариков, утверждавших, что если смотреть в одну точку работающего телевизора, невидимый луч выжжет роговицу глаза без остатка. Специалисты с высшим техническим образованием на вопросы о внутреннем устройстве аппарата отвечали уклончиво, но не оспаривали гипотезу о возможных непоправимых последствиях в случае, если луч из телевизора столкнется с солнечным лучом или прямым электрическим светом. Катаклизм обернется последующим радиоактивным распадом урана, начнется неуправляемая цепная реакция де-

ления тяжелых ядер, а там уж и до реакции термоядерного синтеза рукой подать. Гипотеза путаная, но если в районном центре плащ из «болоњи» воспринимали как воплощение самых несбыточных мечтаний Циолковского, то можно поверить и в термоядерный синтез. Телевизор смотрели только вечером, предварительно отключив посторонние источники освещения. На фоне белесого экрана я видел темные очертания родителей, слышал какой-то бубнеж, и ничего, кроме уныния, этот прибор у меня не вызывал.

В более зрелом возрасте — то есть годам к восьми — телевизор я включал самостоятельно, но, начиная с поздней осени и до наступления оттепели, на экране присутствовала только Галина Кулакова, а когда и она выбилась из сил, ее сменила Раиса Сметанина. И так всю последующую жизнь: лыжницы, Кобзон, «эстафета новостей». Битвы за урожай чередовались с борьбой за мир во всем мире. Основная часть эфирного времени была отдана черно-белой телевизионной испытательной таблице.

У кого-то в жизни случается все само собой. Меня бы устроил вариант итальянского кинорежиссера Висконти. Наследственный достаток без обременительного владения фабриками с их вечно недовольным пролетариатом, и в то же время — осязаемое присутствие нескольких, вполне сносных, палаццо. Врожденная безмятежность в дорогих магазинах. Белая лодка, что скучает на привязи у виллы Эрба. Членство в партии ограничивается симпатией к абстрактному торжеству справедливости, а титул графа полностью исключает возможность патрулирования улиц в составе добровольной народной дружины.

Иногда я бы снимал кино с участием самых красивых в мире женщин. Пил с ними что-нибудь невообразимо

вкусное и в перерывах, провоцируя хандру, читал Данте без посредничества Лозинского.

Но... В силу объективных причин, а именно — рождения в СССР — безмятежное течение жизни исключалось, предлагая низменные или, наоборот, эпические повороты судьбы.

Скажем, если бы мне довелось однажды пересечь проходную завода и в грохочущем цехе умудренный мастер, перекрикивая механизмы машин, пробасил мне в ухо: «Ничего, я из тебя сделаю настоящего человека!» — или посреди бескрайнего поля я восторженно гладил бы еще не остывший мотор трактора и знатный бригадир, положив свою заскорузлую руку мне на плечо, сказал: «Ты у меня еще оседлаешь такого коня», — тогда бы я имел право назвать свою книгу: «Этапы большого пути».

В моем случае все произошло ровно наоборот. Я появился в коридорах «Останкино» именно в тот знаменательный день, когда безупречно отлаженный механизм программы «Время» дал сбой. Может быть, кто-то из сотрудников редакции однажды отмахнулся от назойливой цыганки, не поверив в абсурдность ворожбы, но похоже, я уподобился тому европейцу, кто пересек границу Тибета и, согласно древнему предначертанию, обрек это государство на гибель.

К счастью, на тот исторический момент я пребывал в аполитичном состоянии эмбриона и мог себе позволить без должного трепета интересоваться у провозвестников «светлого завтра»: «Как пройти?» и «Где сидит?»

Странное дело: все без исключения посылали меня в то самое место, куда ходило почти все население нашей страны, но так и не достигло цели. (Прошу не путать с уже упомянутым «светлым коммунистическим завтра».)

Причину столь дикого гостеприимства я узнал позже. Оказывается, накануне Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов выступил с очередной отповедью империалистам, посоветовав им вести себя посдержанней. Естественно, последовали отклики широких слоев населения. Деятели культуры, представители колхозного крестьянства и рабочие завода «Серп и молот» подтвердили, что они «целиком и всецело», а вот заместитель министра обороны высказался более конкретно, напомнив заокеанским «ястребам» о советском ядерном щите и возможных пейзажах в пустыне штата Невада на месте искрящегося неонном Нью-Йорка.

То есть все как обычно. Малый театр пообещал отметить премьерой «Бронепоезд 14-69», остальные заверили партию и правительство о выдаче чего-то сверх меры «на-гора». Военные — ну на то они и военные. Все как положено. Под эти заявления с откликами не чухнулся бы и Джульбарс на границе, если бы не досадная оплошность.

Заявление Андропова и отклики принимались в редакции одновременно на двух телетайпах ТАСС. Дежурный редактор оторвал бумажные ленты, и то ли по дороге в машбюро, то ли уже в процессе перепечатки, но два разрозненных текста превратились в единое целое, и таким образом, довольно бесцветное заявление Генсека обрело завершенность и конкретные очертания грядущей пустыни.

Диктор Центрального телевидения еще не успел дочитать текст о потугах Малого театра, как все силы НАТО были приведены в боевую готовность № 1. Дислоцирующийся в районе Балеарских островов авианосец «Энтерпрайз» так резко поменял курс, что чуть не потерял показавшиеся с палубы истребители, а не определившиеся

с членством в НАТО финны с тоской помянули маршала Маннергейма.

Таким образом, мое появление в редакции совпало с визитом любопытствующей группы товарищей с площади им. Дзержинского. В течение нескольких дней эти самые товарищи проводили опрос населения на предмет их родства с гражданами из США и Израиля, а также пытались выявить связь однокоренных слов в фамилиях журналистов и солдат русской освободительной армии генерала Власова.

За исключением трех сотрудников нетитульной национальности и отсутствия туалетной бумаги в уборных, ничего криминального обнаружено не было. В свое оправдание Фридман и Хатаевич упирали на глубокие белорусские корни, апеллируя почему-то к национальному герою Украины красному комдиву Щорсу, а возмущению режиссера Елены Сквозняк вообще не было предела. Всякий образованный человек знал, что ее отец, Трофим Сквозняк, являлся прообразом Молибоги из фильма «Семеро смелых». Будучи беспризорником, он тайком пробрался на полярную станцию и, часто шныряя из палатки на льдину и обратно в палатку, устраивал полярникам сквозняки, отчего и получил свое знаменитое прозвище. Ну а туалетная бумага исчезла сразу по завершении Олимпийских игр в Москве. Оставшаяся единственной, запутанная нить расследования привела к правительственному указу о присвоении главному редактору звания «Заслуженный работник культуры», в просторечии «засрак», и банкету, имевшему место в день политической диверсии. Отсутствовавшему на празднике дежурному редактору инкриминировалось явное сочувствие участникам застолья и, как следствие, потеря идеологической бди-

тельности. «Главаря» и его пособников уволили, а председатель Гостелерадио получил выговор.

Так что вполне объяснимо, что все сотрудники редакции, прошедшие собеседование с представителями Комитета госбезопасности, не сговариваясь, посылали меня в одно и то же место. Но опыт армейской службы, где по данному адресу ходят целыми дивизиями, позволил мне довольно бодро — через три дня — достичь кабинета заместителя главного редактора.

Григорий Александрович Шевелев выслушал меня, что называется, без повышенного интереса и пригласил к себе в помощь главного режиссера. Я повторил свою блистательную биографию:

— Только что демобилизовался из рядов Советской армии, кандидат в члены КПСС, обладатель двух дипломов — режиссера и художника театра, женат.

В любом колхозе или на заводе мне бы тут же вверили молодежную бригаду, и я бы смог включиться во всеобщее социалистическое соревнование, принося весомую пользу стране, но в программе «Время» таких сомнительных попутчиков значилось в избытке и, посоветовавшись, мне предложили написать заявление на должность помощника режиссера. В карьерной лестнице Гостелерадио СССР эта административная единица являлась даже не низшей ступенькой, а частью той плоскости, на которой эта лестница стояла. То есть ниже меня существовала только бездна. Земная кора, газообразная материя и горячее ядро.

Меня обнадежили, сказав, что работа не сложная, но творческая и крайне ответственная. Позже я выяснил, что ее суть заключалась в точном исполнении нескольких нехитрых команд, вроде «Сбегай, принеси!» и «Уйди с глаз долой». По поводу творчества меня тоже не обманули. Для

«Прогноза погоды» я мог самостоятельно из десяти фотографий с надписью: «Вологодская область. Лето» выбрать единственную мне приглянувшуюся и поставить ее на пюпитр перед камерой.

Мой наставник Владимир Положенцев перечислил примерно пятьдесят пунктов должностных обязанностей помощника режиссера, сорок пять из которых, по его мнению, делать было на фиг не надо, и в заключение представил меня ветерану цеха помощников, Мише Шельгину, чей стаж перевалил уже за третий год. Миша вяло кивнул и продолжил чтение раритетной книги «Самоучитель суахили», изданный «Товариществом А. Гарбель и (Ко)» в 1895 году.

Положенцев отвел меня на почтительное расстояние от Миши и доверительно сообщил:

— Мишка хитрован страшный. Чего он три года с пюпитром кантуется? Ждет ставку редактора в международном отделе. Раздобыл редкую книгу и долбит ее потихоньку. Просек свою фишку. Пять миллионов только на суахили и говорит, а еще у семидесяти это второй язык. Танзания, Кения, Уганда — широченные горизонты. Там что ни день — переворот. Возьмут верх наши красные кхмеры, кого посылать, кто знает суахили? Тут Мишка и выдвинется. Ему только эти дореволюционные «яти» мешают.

Сдав пост и пожелав мне удачи, наставник растворился в розовой дымке карьерных перспектив, а я материализовался в комнате выпуска «Новостей» в 5 часов утра по московскому времени.

Освещение и обстановка напоминали советский фильм о суровых буднях антифашистского подполья, снятого на якобы цветную пленку Шостинского комбината «Свема».

За столом сидели два персонажа все из того же фильма. Один — маленький, сухонький и совсем бесцветный — представился редактором Трибисом. Второй — молодой рыхлый амбал, оказался младшим редактором Покрышкиным. Исчерпав необходимые при знакомстве формальности, они вернулись к своим должностным обязанностям, сверяя передовицы газет с текстом диктора.

Люди как люди. Я даже начал фантазировать, что герои с внешностью Трибиса обычно играют революционеров-каторжан, безнадежно больных чахоткой, но сюжет киноповествования, как пишут критики, повернул в совершенно неожиданное русло.

Не отрываясь от газеты, Трибис продолжил разговор, начатый с Покрышкиным:

— Так вот, зашел я в магазин за маслом и вижу в самом дальнем углу двух щеночков. Хорошенькие, одинокие и пищат так жалобно. Про масло забыл, все ими не налюбуюсь. Ну, ты мою змею знаешь. Куда мне домой со щенками? А сердце рвется на части. Плюнул на масло, заgrabастал щенков за пазуху, поближе к сердцу прижал, и так хорошо мне стало. Пришел домой, сунул их в холодильник, чтобы змея не увидела, и сел телевизор смотреть. Даже звук увеличил. Не помогает. Они там в холодильнике пищат, надрываются. Не выдержал, достал одного и придушил. Никакого эффекта. А второй пуще прежнего голосит, ну я и ему башку свернул. Теперь вот думаю — зря, наверно.

Покрышкин редкими кивками поддерживал беседу, не скрывая того, что судьба щенков и душевное состояние Трибиса ему глубоко безразличны.

От ужаса и омерзения я никак не мог сообразить, что мне следует предпринять. Встать и демонстративно уйти? Устроить скандал? Теперь я не сомневался, что диагно-

стированную мной чухотку Трибис заработал на Колыме, будучи в прошлом эстонским полицаем, а Покрышкин, удовлетворяя низменные потребности, в выходные дни подрабатывает на скотобойне.

Мои сомнения разрешил объявившийся наставник. Он пояснил, что на языке Трибиса щенок — это четвертинка водки, а Покрышкин вообще обожает все живое за исключением людей.

Позже, подружившись с Трибисом и Покрышкиным, я не раз восхищался их профессионализмом и порядочностью. Особенно меня покорило их полное равнодушие к карьерным стартам в дни освещения съезда партии или всеобщего энтузиазма ленинских субботников. Хотя не исключаю, что Трибис был индифферентен к общественно-значимым порывам по причине накопленной мудрости, а Покрышкин отстал от искренних строителей коммунизма из-за отсутствия хотя бы одного галстука и восторженной улыбки.

Но я отвлекся, а между тем идеологический фундамент редакции, давший трещину при заявлении Андропова, напомнил о себе еще раз.

25 октября 1983 года, рано утром по тассовскому телетайпу пришло сообщение о высадке американского десанта в Гренаде. Дело было практически ночью, а надо ли говорить, что разбуди советского человека и скажи: «Гренада», и он тут же продолжит:

Красивое имя,
Высокая честь —
Гренадская волость
В Испании есть!